

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПЯТИДЕСЯТЫЕ

ГЛАВНАЯ СТРОЙКА

Началась она в 1950 году, но велась до-вольно вяло: к 1958 году была в основном закончена заводская ТЭЦ и несколько вспомогательных объектов. По-видимому, Министерство черной металлургии было озабочено, прежде всего, расширением заводов на Украине и Урале и не относило стройку в Темир-Тау к числу приоритетных объектов.

В 1958 году положение изменилось: началось возведение первой доменной печи. Пожилые люди, наверное, помнят, что во времена их молодости эти устремленные ввысь мощные сооружения, символизирующие индустриальную мощь страны, красовались на плакатах, марках и т. д.

Как это не раз бывало в советское время, сравнительно неспешный ход строительства неожиданно сменился на авральный. «Наверху» потребовали сдать домну в 1959 году, однако в силу ряда причин задача эта была явно невыполнимой. Смонтировать печь при наличии опытных кадров (а тогда недостатка в них не ощущалось) - было не так уж и сложно. Но только печью дело не ограничивалось. Необходимо было построить немало других объектов, обеспечивающих бесперебойную работу доменного цеха - коксовые батареи, всевозможные склады, подъездные пути и прочее. Возникло множество проблем. Для того чтобы получать металлоконструкции без задержек, мне неоднократно приходилось выезжать на заводы в Орск, Новокузнецк. Наша проектная группа месяцами работала в Темир-Тау, где разрабатывала чертежи мелких конструкций - их готовили тут же, на монтажной площадке. Работали проектировщики вахтовым методом, ежемесячно меняясь.

По возвращении они делились с нами впечатлениями, по большей части - безрадостными. Бытовые условия на стройке были попросту отвратительными. Проблемой было горячее питание: крохотные столовые физически не могли накормить тысячи рабочих, число которых постоянно росло. Не лучше обстояло дело с водой, а зной стоял ужасающий. Жили рабочие

в палатках, и положение усугублялось, словно нарочно созданным, неравенством между нашими и болгарскими рабочими.

Дело в том, что кроме молодежи, приехавшей по комсомольским путевкам из разных концов Союза, некоторое время на стройке трудились ребята из Болгарии. Почему они оказались в Казахстане, сказать трудно: скорее всего, из-за безработицы на родине. Любопытно отметить, что газеты, обычно не жалевшие места для освещения всевозможных «трудовых подвигов», об этих, выражаясь современным языком, гастарбайтерах помалкивали. Между тем, жили болгары не в палатках, а в сравнительно благоустроенных общежитиях. Естественно, что такое неравенство не способствовало улучшению обстановки. Впрочем, незадолго до событий, о которых речь пойдет дальше, болгары покинули Темир-Тау по причинам, о которых теперь можно лишь догадываться. Не исключено, что их не устраивали заработки, которые, правда, не радовали и наших. Рабочих раздражали частые простои из-за отсутствия материалов, проектных недоработок, плохой организации труда. Оставляло желать лучшего и руководство, включая управляющего А. С. Вишневого, прозванного рабочими «Алеша хмурый» из-за вечно недовольного выражения лица.

Причины недовольства можно было понять. Бывший до реформы управления промышленностью заместитель министра черной металлургии Союза, он, подобно множеству других управленцев, вынужденных покинуть Москву, считал свое пребывание в Казахстане временной досадной неприятностью. Вникать в проблемы быта рабочих у него, скорее всего, не было особого желания, тем более, что заниматься ими должны были соответствующие службы и профсоюз. Никто, однако, по-настоящему в них не вникал. Не хватало обыкновенной питьевой воды: из четырех артезианских скважин, пробуренных в 1957 году, воду давала только одна! Перечислять множество больших и малых проблем, осложнявших жизнь, сейчас нет нужды: со временем они более

(Окончание. Начало в № 8)

или менее разрешились. Но произошло это только после неожиданного бунта в 1959 году.

Существуют, по крайней мере, две официальные версии того, что произошло в тот субботний день 1 августа, когда начались волнения. Кстати, следует вспомнить, что до середины 60-х годов суббота была обычным рабочим днем.

По первой версии, приведенной в докладной записке Темир-Тауского горкома КПСС, в тот субботний вечер примерно сотня рабочих, живших в палаточном городке, возвращалась к себе с танцплощадки. После танцев очень хотелось пить, но воды нигде не было. Авторы докладной выразились об этом несколько уклончиво: «В некоторых палатках вода отсутствовала». Разгоряченные ребята направились к цистерне с квасом, оказавшейся пустой, и опрокинули ее. Страсти накалились, начался погром, послуживший началом дальнейших трагических событий. Звучит изложено не очень убедительно: что это за цистерна без продавщицы? А если продавщица была, почему она не объяснила жажущим, что квас уже кончился?

Первый секретарь Компартии Казахстана Н. И. Беляев объяснял впоследствии на высоких партийных форумах причины беспорядков так: «Группа рабочих после смены в субботу не нашла ни одной открытой столовой». Возмущение, по словам секретаря, было настолько сильным, что на другой день начались беспорядки. О них разговор отдельный, а сейчас стоит познакомиться с иной, более правдоподобной трактовкой случившегося.

Вернувшиеся из Темир-Тау после очередной командировки проектировщики рассказали: рабочие не выдержали после того, как обнаружилось, что питьевую воду, которую привезли в палаточный городок, пить невозможно. Привезли ее в цистерне, которую до этого использовали не то для краски, не то для какой-то технической жидкости. Точно также описал случившееся очевидец событий Д. Оськин в документальной повести «Магнитка» (журнал «Простор», № 1, 1990 г.). Вполне возможно, что в поисках воды, наткнувшись на порожнюю квасную цистерну, они сорвали накопившуюся злость на ней...

Дальнейшие события разворачивались с катастрофической быстротой. Рассвирепевшая молодежь, среди которой было немало людей с уголовным прошлым, бросилась к закрытой столовой, сломала замок и разграбила ее, другие начали

грабить автолавку и промтоварный киоск. Толпа быстро росла, и подоспевшие милиционеры сумели задержать лишь двоих участников грабежа. Это еще больше накалило обстановку: сотни молодых людей кинулись освобождать задержанных. Между тем грабеж продолжался.

Следующий выходной день облегчения не принес. Правда, в палаточный городок приехало начальство, которому было высказано множество претензий. Как водится в подобных случаях, рабочих заверили, что необходимые меры будут приняты, однако унять стихию не удалось, вечером беспорядки возобновились с новой силой. Огромная толпа у горотдела милиции забрасывала его камнями, требуя освобождения задержанных накануне. Пытаясь хоть как-то разрядить обстановку, обком приказал выпустить их, но и это не спасло положения. Жертвой нападающих стали здание треста «Казметаллургстрой» и находившийся поблизости универмаг. Магазин разграбили, а заодно подожгли столовую и повредили несколько подвернувшихся под руку строений.

Положение явно становилось критическим. И в тот же день в город перебросили около пятисот солдат и офицеров внутренних войск из подразделений, охранявших заключенных Карлага. Пущенное в ход оружие помогло рассеять бесчинствующие толпы, но обе стороны понесли достаточно большие потери. При разгоне толпы погибло 11 рабочих, еще шесть человек скончались позднее от ранений, а 27 получили тяжелые и средние ранения. Пострадали и усмирители: 28 из них были ранены.

Чтобы окончательно обезопасить Темир-Тау, по распоряжению МВД Союза в ночь на 4 августа из разных городов Западной Сибири сюда доставили самолетами 1400 военнослужащих внутренних войск. Впрочем, они уже не понадобились: все было закончено незадолго до их прибытия.

Итогом ликвидации случившегося стало задержание 174 человек, из них 17 «активных организаторов и участников». Часть задержанных - 68 человек - вскоре отпустили. А в ноябре начался суд над оставшимися.

Материалы этого процесса не опубликованы до сих пор. По слухам, не то одного, не то двоих зачинщиков беспорядков приговорили к высшей мере, остальные - к разным срокам заключения, не превышавшим семь лет. На этом, однако, дело

не завершилось. В течение нескольких месяцев, до января 1960 года, на всевозможных партийных форумах пытались разобраться, кто виноват и что делать. Итогом «разбора полетов» стали перемещения и увольнения всевозможных руководителей. Своих постов лишился управляющий трестом А. С. Вишневский, секретари Темир-Тауского горкома и Карагандинского обкома Коркин и Исаев, но это неполный список. Учитывая дальнейшую судьбу подавляющего числа пострадавших начальников, сильнее всего досталось главному человеку в партийной иерархии республики - И. И. Беляеву.

В самом начале 1960 года освобожденный от должности первого секретаря ЦК, он был переведен на такой же пост в Ставропольский крайком. Это было явным понижением, и, по свидетельству очевидцев, Беляев произвел впечатление совершенно растерянного человека. Через полгода он вышел на пенсию, не достигнув еще пенсионного возраста.

Но главным результатом неожиданных августовских событий стали отнюдь не кадровые перестановки, а решения, принятые Советом Министров Союза в рекордно короткий срок и оформленные Постановлением от 17 августа 1959 г. «О ходе строительства Карагандинского металлургического завода и мерах помощи по ускорению его ввода в действие». О беспорядках там не было и намека. Постановление обязывало всех, кого это касалось, завершить в 1959 году строительство доменной печи и еще нескольких объектов, хотя все понимали нереальность запланированного срока. Примечательной особенностью документа был, без преувеличения, колоссальный список всевозможных ресурсов, выделявшихся стройке и рабочим. Чего только здесь не было! Кроме металла, труб, рельсов и других материалов для нужд строительства, машин и оборудования, люди, занятые на сооружении завода, должны были получить то, что обеспечивало нормальные условия жизни. Перечисление заняло несколько страниц: сборные дома и поликлиники, 10 столовых, 3 клуба, 4 бани... Выделялись промтовары, мебель, посуда, хозяйственные товары. В список вошли даже музыкальные инструменты, предметы для обустройства общежитий, клубов и красных уголков.

Особое внимание постановление уделяло проектированию и строительству объектов водоснабжения. Необходимость

быстрейшего решения явно перезревшей проблемы, наконец-то, поняли на всех уровнях.

Читая сегодня этот внушительный документ, невольно задаешься вопросом: поговорка о мужике, крестящемся только после удара грома, относится исключительно к нам или таково свойство человеческой природы, независимо от страны, режима, времени? В самом деле, достаточно вспомнить благодушно расслабленных американцев до грома, грянувшего 11 сентября 2001 г., норвежцев до бойни, устроенной Брейвиком, - да мало ли. Примеры можно было бы множить и множить, но так легко уйти в сторону от темы. Вывод напрашивается один: руководители любого уровня должны помнить, что мелкие на первый взгляд проблемы всегда, и притом неожиданно, могут обернуться крупными неприятностями...

Первую домну без шумных торжеств сдали в эксплуатацию летом 1960 года, и в дальнейшем никаких особенных проблем на стройке не возникало. В значительной мере этому способствовал особый порядок обеспечения «Казметаллургстроя» материалами и оборудованием, который действовал много лет после описанных событий. Я же решил написать о них более или менее подробно исключительно потому, что, насколько мне известно, ни одного серьезного, документального исследования о «восстании», как его иногда называли, не существует.

В дальнейшем я имел некоторое отношение к знаменитой стройке, но уже в ином качестве, работая в Министерстве строительства. А в начале 70-х довелось побывать непосредственно в «Казметаллургстрое», которым тогда руководил А. Г. Коркин. Даже в мелочах здесь чувствовалась продуманная организация работы мощного треста. Быть может, это прозвучит несколько странно, но исключительное впечатление на меня произвела трестовская столовая. Впрочем, те, кто еще помнит советский общепит, не должны удивляться.

В этой столовой был не только превосходный выбор хорошо приготовленных блюд - метод обслуживания в чем-то напоминал ресторанный. На каждом столе обязательной частью сервировки являлся пластмассовый стаканчик с нарезанной бумагой и карандашиком. Посетители писали на бумажках заказ, их собирала официантка, вскоре приносившая заказанное. Более всего удивил меня способ расчета:

поев, люди уходили, оставляя деньги на столе, и, по-видимому, никаких проблем при этом не возникало.

Пришла совсем другая эпоха...